

ФЕНОМЕН ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ В ПСИХОЛОГИИ

Представлен аналитический обзор социально-психологических и клинических исследований лицевой экспрессии эмоций. В фокусе анализа находится мимика человека как психофизиологический аппарат механизма обратной связи в структуре базальных эмоций. Проведено обобщение теоретических представлений об эмоциях как функциональных системах. Показано, что мимика рассматривается преимущественно как коммуникативное сообщение. В работе обсуждаются результаты исследований отечественных и зарубежных авторов экспрессивных проявлений эмоций по миографическим замерам. В результате предложено методологическое обоснование феномена мимики: обратная связь в психологической структуре эмоции представлена набором кодированных в мимических паттернах состояний, актуализация которых одновременно выполняет функцию вероятностного прогнозирования, создает условия для поддержания психической устойчивости в ответ на изменяющиеся условия.

Ключевые слова: мимика; обратная лицевая связь; базальные эмоции; функциональная система психической самоорганизации; базальная система эмоциональной регуляции.

Мимическая экспрессия, сопровождающая переживания человека, давно вызывает интерес ученых. Одна из первых монографий на эту тему «Эссе о физиognомике» была опубликована в 1783 г. В этой работе И. Лафатер представляет классификацию лицевой экспрессии. Исследованием мимики в XIX в. занимались И. Энгель, Ч. Белл, Т. Пидерит, Г. Дюшенн, Грасиоле, В. Вундт, Ч. Дарвин впервые обосновывает животное происхождение эмоций, отмечая при этом, что у человека они приобрели статусrudиментарных проявлений (1872). Этих позиций придерживались Г. Спенсер (1876) и Т. Рибо (1897). В. Макдаугалл развивал биологическую гипотезу происхождения аффекта, согласно которой каждому инстинкту соответствует конкретная эмоция. О враждебности «базовых» эмоций писал Д. Уотсон (1926). Схожесть в мимическом выражении эмоций у детей и шимпанзе отметила Н.Н. Ладыгина-Котс (1935).

Такой интерес к проблеме лицевой экспрессии не случаен. С самых ранних этапов развития знаний о человеке возник вопрос определения его характера по внешности. Так в свое время возникла физиognомика, а затем и френология (Галь). Эти умозрительные в своей основе учения пытались найти анатомо-физиологические корреляты внутреннего мира человека, его способностей и пороков. В дальнейшем данное направление обнаружило себя и в научных теориях темперамента и характера (Э. Кречмер, Ч. Ломброзо, Л. Сонди). С теоретических позиций феномен мимики связан с вопросом психофизиологической организации, с выявлением функций, а также с установлением природы эмоций. С практической стороны это вопрос определения истинности высказываний, отношения к человеку, а также диагностики психического состояния в профессиональной деятельности. Например, в клинической психиатрии специалистам приходится по мимическим проявлениям определять состояние больного. В практике судебной психиатрии встречаются случаи фальсификации мимических расстройств, так называемая маска безумия (Эскироль). Диагностическую и прогностическую значимость мимических изменений в медицинской практике отмечали Гиппократ, Э. Крепелин, И.Л. Сикорский, И.П. Ковалевский и др. Однако подавляющее число научных и публицистических источников, посвящен-

ных проблеме выражения эмоций, ориентированы не на исследование этого феномена, а на его практическую эксплуатацию. Речь идет об установлении и применении в области коммуникации способов считываения по лицу эмоционального состояния человека, его отношения к происходящему, истинных мотивов и скрываемых намерений. Так, по разработанным системам распознавания мимических сигналов можно установить тонко маскируемую враждебность, обман и др. Такой, по сути, утилитарный подход получил широкое распространение в области социальной психологии. Многочисленные исследования проводятся и в различных смежных с психологией и психофизиологией дисциплинах. Данное направление получило большую популярность в публицистических ненаучных изданиях в западных странах под названием *body language*.

Таким образом, изначально фундаментальное направление изучения лицевой экспрессии получило прикладное развитие, ориентированное на решение практических вопросов коммуникации. Задача распознавания приобрела технологическую трактовку: угадывание эмоций по лицевым реакциям. Вместе с тем лицевая экспрессия – это уникальный психофизиологический феномен. В нем одновременно отражаются психические явления чувственного содержания с когнитивной составляющей, личностным компонентом в единстве психомоторного акта. Психическое содержание здесь сопровождается телесным выражением. В научном плане исследование лицевой экспрессии связано с определение механизмов эмоций.

Известно, что лицевая экспрессия эмоции имеет сложную анатомофизиологическую организацию и мозговое обеспечение. Задействуются десятки лицевых мышц, лицевой и тройничный нервы, мозговые образования лимбической системы, гипоталамус, неокортикс, образующие морффункциональные ансамбли в реализации функциональных систем, связанных с выражением чувств и психо-эмоциональных состояний. Само по себе такое сложное нейрофизиологическое обеспечение мимики свидетельствует о высокой значимости данного явления и требует его самого глубокого изучения. В исследование мимики наиболее весомый вклад сделали такие ученые, как М.Н. Русалова (1970), А. Диттменн (1972), П. Экман,

У. Фризен (1973), С. Томкинс (1976), К. Изард (1980), А.А. Бодалев (1981), Г. Шварц (1982), В.А. Лабунская (1986). С разных методологических сторон эти учёные развивают гипотезу обратной лицевой связи в организации эмоционального переживания и формировании эмоционального состояния.

В теориях, рассматривающих мимическую экспрессию как организующее начало эмоции, постулируется гипотеза обратной лицевой связи как необходимого условия ее формирования. Эти представления, по сути, продолжают традицию Джеймса-Ланге о телесной природе эмоции. Как известно, данная концепция развивала идею о том, что физиологические процессы, сопровождающие эмоцию, и составляют ее в форме телесных ощущений. Пионер данного направления в психологии С. Томкинс, а вслед за ним Э. Гельгорн и К. Изард в своих работах пропагандируют идею о том, что в основе эмоции лежат мимические реакции: «Аффект есть прежде всего лицевой, а не висцеральный феномен, и интроспективное осознание эмоции есть результат обратной связи от активации мускулов лица, которые, в свою очередь, оказывают сильное мотивационное влияние на психические функции» [1. С. 90]. Развивая эту гипотезу, Изард подчеркнул уникальность мышечной системы лица, так как она тонко дифференцирована и скорость реакций ее близка скорости возникновения эмоции. Вслед за Томкинсом он отмечает, что мимический комплекс, отраженный в форме телесных ощущений от лицевой области, создает основу чувственных переживаний. В своей работе Изард пишет: «...эмоция – это функция соматической нервной системы...», а затем уточняет: «...нейрохимические процессы, следуя врожденным программам, вызывают комплексные мимические и соматические проявления, которые затем, посредством обратной связи, осознаются, в результате чего у человека возникает чувство / переживание эмоции» [1. С. 78]. Вместе с тем еще Ч. Дарвин отметил роль мимических комплексов. В его наблюдениях за эмоциями шимпанзе и человека отмечена регуляторная функция выразительного поведения: внешняя экспрессия усиливает эмоцию, а сдерживание способствует ее подавлению. Эта закономерность легла в основу изучения механизмов биологической обратной связи в развитии эмоций. Современная же версия данного, по существу психофизиологического, направления подчеркивает примат лицевых реакций. Согласно представлениям Томкинса, лицевая экспрессия, сопровождающая эмоцию, определяет характер переживания и транслирует его в форме мимического кода (коммуникативный посыл). Это принципиальный факт: важна сама постановка вопроса о *коде мимической экспрессии*. Однако феномен лицевой экспрессии в рассмотрении Томкинса, равно как и Изарда, приобретает буквальную трактовку мимического кода как коммуникативного сообщения, что роднит эти представления с направлением *body language*. Вместе с тем лицевая экспрессия эмоций обнаруживается у человека и вне общения, наедине с собой – при обдумывании произошедших событий, при невольном реагировании на события, наблюдаемые или всплывающие в подсознании кар-

тины из значимого прошлого. Следовательно, с мимикой как экспрессивным компонентом эмоции связаны несколько более важные процессы для психики, чем просто коммуникативные знаки.

Принципиальным положением настоящей работы является тезис о том, что *приспособительная функция эмоции ориентирована на внутреннюю субъективную среду*. Другими словами, эмоция реализует приведение внутреннего состояния в соответствие внешним условиям, т.е. психического состояния условиям окружающей действительности. При этом *мимический паттерн эмоции является специфической формой проявления и одновременно кодирования переживания или состояния* (В.В. Волов, 2014). Это положение радикально меняет трактовку привычного приспособительного эффекта эмоции в непосредственной адаптации к внешним условиям, которую опосредуют мимические и другие психофизиологические реакции. В этой связи интересны данные Р. Заянц. На базе проведенных исследований он постулирует, что гипотетически эfferентные сигналы от мышц лица могут модулировать и вызывать эмоциональные состояния.

Несмотря на безусловную значимость психофизиологических паттернов эмоции и акцентирования на лице как органе, несущем максимальное выражение переживаемого в системе коммуникации, а также учета механизма обратной связи, трактовка в данном направлении эмоции как линейного следствия или выражения физиологических сдвигов оставляет без ответа главный вопрос: какова природа эмоции? В рамках данного направления этот фундаментальный вопрос психологии вообще теряет смысл. Ведь получается, что адаптационная функция эмоций, провозглашаемая как ведущая, посредством физиологических сдвигов сообщает через субъективные ощущения о себе же. Для чего? Если речь идет об изменении физиологического состояния, то эмоциональные переживания вообще излишни. Эмоция, как известно, отличается малой управляемостью, спонтанностью, зачастую неосознанностью. Так что индивиду сложно воспользоваться полученной информацией при осознании телесного переживания от лицевой области во время мимических реакций. Скорее, наоборот. Ведь в плане коммуникативной «полезности» мимики возникает парадоксальная ситуация: непроизвольное выражение чувств, как известно, в социальной жизни порой несет негативные следствия для ее субъекта. Кроме прочего возникает вопрос: какая система вызывает мимические реакции?

Таким образом, как классические концепции о механизме эмоции через осознание телесных изменений, так и современные ее версии пропагандируют идею о том, что эмоция есть осознание ощущений – от висцеральных органов, от скелетной мускулатуры либо от лица. Несмотря на методологическую зыбкость таких представлений в силу буквальной трактовки мимики как источника чувственных переживаний, авторы данного направления внесли серьезный вклад в раскрытие феноменологии эмоций, в их экспериментальное исследование в традициях психофизического параллелизма.

В работе В.А. Лабунской впервые ставится вопрос о лицевой экспрессии как форме проявления внешне-

го «Я». Эмоция и ее внешнее выражение расцениваются автором как «форма существования», часть самих психических явлений. Это во многом согласуется с отечественной традицией рассмотрения экспрессивного аспекта эмоции как связи между внешним и внутренним, закрепляющейся благодаря их соответствуию [2].

Выделение особого класса эмоций – так называемых базальных эмоций – открывает путь для экспериментального исследования чувственной сферы на материале исследований лицевой экспрессии. Изард следует психофизиологической традиции, опираясь на идеи Томкинса. В своей теории дифференциальных эмоций он развивает представление и научно обосновывает сущность базальных эмоций. К ним он относит девять эмоций, заложенных биологически и имеющих врожденный паттерн мимического выражения. Другие авторы выделяют меньшее количество базовых эмоций, но страх, гнев, печаль и радость обнаруживаются при этом во всех классификаторах. В.А. Барабанчиков отмечает, что первичные эмоции неразложимы на составляющие и несводимы к другим эмоциям, но «являются основой других состояний» [3. С. 12]. П. Экман подчеркивает инвариантность базовых эмоций и наличие характерных мимических паттернов.

По данным исследователей университетов Дарэма и Ланкастера за 2011 г. (Н. Рейсланд), с помощью 4D ультразвукового сканирования удалось распознать на лице плода движения мимических мышц и расшифровать их с помощью системы FACS. К 36-й неделе внутриутробного развития стали формироваться целостные паттерны радости и печали. Это подтверждает биологическую основу базальных эмоций. А вот такие чувства, как интерес, презрение и отвращение, признаются как базовые не всеми. Интерес, к примеру, вообще сложно отнести к эмоциям. Презрение, безусловно, является сложным эмоциональным переживанием, зависящим от ценностей, социальных установок, определяется во многом сознательной оценкой того или иного явления и отношением к нему. Что касается отвращения, то оно в большей степени соответствует биологически обусловленному контексту переживания. Об этом писал еще Ч. Дарвин, отмечая, что отвращение как базовая эмоция связано с важнейшей для выживания особи реакцией на испорченную пищу. Здесь явно заложен первичный биологический смысл. Выделяют и другие базальные эмоции, биологический смысл которых отсутствует, а превалирует социальный контекст. Это такие сложные эмоции, как горе, стыд, смущение и др.

Такая противоречивая ситуация сложилась отчасти в силу биологизаторской трактовки феномена эмоции как изначально приспособительного механизма животного к угрозам внешнего мира в современных теориях. Действительно, сложно отрицать биологическую целесообразность базовых эмоций, однако психосоциальное и культурно обусловленное развитие человека наполнило эмоции более сложным и глубоким содержанием. Неудивительно поэтому, что и психические механизмы даже базовых эмоций до

сих пор остаются не в полной мере раскрытыми в области психологических наук.

Говоря о первичных эмоциях, мы сразу можем упомянуть состояния удовольствия – неудовольствия как прототипы счастья и печали. При резком сдвиге физиологических условий в раннем онтогенезе, можно предположить с большой долей вероятности, появляется место прототипам таких эмоций, как страх и гнев: удовольствие и неудовольствие обостряются пароксизмальным эффектом внезапного и значительного по изменению интенсивных параметров физиологического состояния. Здесь даже не требуется социального опыта или обучения. Однако в дальнейшем эти первичные эмоциональные реакции, как и все остальные – их производные, – интернализуются в опыте коммуникации с первичным объектом, вторично наделяясь психологическим содержанием. Так, мать комментирует и эмоционально сопровождает (отражает) недомогания ребенка. Ее эмоциональная реакция сообщает младенцу о его же состоянии. Учитывая, что невербальный, в том числе мимический, контакт является в это время ведущим, лицевой паттерн матери становится первичным кодом. У взрослого человека данная способность эмоционального самомониторинга, опосредованная лицевыми и другими телесными реакциями, становится основой чувственного познания: в этой области психического и реализуется так называемая функция вероятностного прогнозирования.

Как уже было отмечено, одной из приоритетных идей настоящей работы является предположение о том, что в лицевой экспрессии кодируются переживания, а не сообщения коммуникации. При этом кодировка опосредована образами и символами, т.е. психологическим содержанием. Мимические паттерны на рефлекторном уровне запечатлевают эмоциональные реакции, связанные с типовыми событиями. Так, можно проследить такие диады: ситуация утраты вызывает печаль, горе; удовольствие – радость, счастье; угроза, опасность – страх, беспокойство; нарушение границ, ограничение свободы – гнев и т.п.

Телесные ощущения, идущие от мышц, одновременно сокращающихся во время лицевой экспрессии, ассоциируются с соответствующими психо-эмоциональными реакциями. При этом так называемая обратная связь заключается в том, что ассоциируемые с эмоциональным реагированием мимические паттерны сообщают о состоянии индивида в условиях типовых ситуаций, таким образом представляя основу чувственного познания.

При этом состояние рассматривается как реакция функциональных систем на внешние и внутренние воздействия, направленные на получение для организма результата (С.П. Ильин). В этом смысле эмоция одновременно отражает состояние индивида как на психологическом уровне, так и на уровне физиологического состояния. В целом рассмотрение эмоций как состояния широко распространено в психологии и смежных науках (Л.Н. Левитов, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов, Л.М. Веккер).

Положение о типовых ситуациях во многом согласуется с аналогичной идеей Томкинса об иерархии

стимулов, вызывающих базовые эмоции. Экман также считает, что базовые эмоции порождаются универсальными событиями. В теории мультикомпонентных систем эмоции подчеркивается зависимость состояния человека от состава, структуры и логики развития ситуации. Именно благодаря такому механизму реализации обратной связи без каких-либо объяснений и анализа человек может узнать о своем эмоциональном (и физическом) состоянии, симптиях и антипатиях, характере возникшей ситуации и т.д. Такое «знание» значительно опережает сознательный рациональный анализ. Таким образом сокращается время реакции на новую ситуацию и приспособления к стрессогенным условиям, при котором индивид, с одной стороны, входит в соответствующее ситуации состояние, а с другой – избегает сверхсильных переживаний дистресса.

В этом смысле наиболее красноречивым является феномен «эмоционального резонанса». Он заключается в том, как известно, что человек (равно как и некоторые животные) имеет свойство сопереживать, т.е. в буквальном смысле входить в эмоциональное состояние человека, переживающего какой-либо стресс либо ущерб. Более того, в известных экспериментах установлена удивительная закономерность: непроизвольная имитация на уровне сокращений лицевых мышц, воспроизводящих наблюданную в лице партнера определенную эмоцию. Эта закономерность демонстрирует, как феномен лицевой экспрессии в структуре эмоции выполняет сложную функцию чувственного познания, выходящего за рамки коммуникативного сопровождения за счет механизма биологической обратной связи. Здесь решается задача адаптации на видовом уровне: прочтение состояния индивида в неопределенной ситуации позволяет в условиях дефицита информации принять экстренные меры. Этот механизм позволяет экономить временные и интеллектуальные ресурсы в экстремальных ситуациях, наглядно демонстрируя системный характер организации эмоции.

Среди зарубежных психологов Изард одним из первых формулирует и обосновывает идею о системной организации эмоций, разрабатывает таксономию аффектов и высказывает идею о взаимодействии аффектов. Рассмотрение эмоции как функциональной психофизиологической системы позволяет отслеживать эмоциональные реакции и состояния. При этом, как правильно замечает Шварц, ни одна функциональная характеристика, взятая изолированно (вне функциональной системы), не дает возможности диагностировать эмоции. Е.П. Ильин предлагает содержательное наполнение пресловутой эмоциональной системы, пропагандируемой в виде теоретического конструкта многими авторами. Так, базовый уровень эмоции составляет эмоциональный тон, включающий эмоциональный тон ощущений (отражает интероцептивные проприоцептивные ощущения) и эмоциональный тон впечатлений (субъективное переживание эмоции).

В свое время отечественный ученый академик Анохин формулирует и научно обосновывает положение, согласно которому эмоции могут быть рассмотрены как функциональные системы. На базе

фундаментальных экспериментальных исследований он определяет психофизиологический механизм биологической обратной связи в структуре эмоции. При этом в соответствии с теорией функциональных систем эмоция исследуется не изолированно, как самостоятельный механизм, обеспечивающий тот или иной приспособительный эффект, а как звено надсистемы, например в структуре сложного приспособительного поведения. Разумеется, теорию Анохина в приложении к эмоциям от всех прочих выгодно отличает научный аппарат, богатство междисциплинарных исследований, применение психофизиологического инструментария на базе естественнонаучного подхода в организации эксперимента. При этом физиологическая составляющая данной, по существу биологической теории эмоции представлена отчасти в ущерб психологическому содержанию.

В.В. Лебединский спустя десятилетия разрабатывает с коллегами (Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, О.С. Никольская) теорию базальной системы эмоциональной регуляции, в которой раскрываются собственно системные свойства эмоции в структуре психической деятельности на основе исследований раннего детского аутизма. Примечательно, что помимо прочего ученый выделяет свойство эмоции, направленное на достижение и сохранение устойчивости психического состояния, а также стремление к саморегуляции (самой эмоции). Это соответствует синергетическим традициям и впервые в психологии раскрывает способность эмоции как функциональной системы к самоорганизации.

Другим новаторским решением Изарда является введение в анализ эмоциональных явлений понятия об аффективно-когнитивных структурах, которые «являются результатом повторяющегося взаимодействия отдельного аффекта или комплекса аффектов с некоторым набором или конфигурацией знаний» [2. С. 42–45]. В когнитивном подходе механизмы базовых эмоций представлены в форме системы модулей или информационно-специфичных ментальных образований (Fodor, 1984). Первый модуль составляют врожденные механизмы переработки информации, второй модуль включает типовые поведенческие и физиологические сдвиги, возникающие в ответ на определенные события или оценку ситуации. Возникающий при этом характерный психофизиологический паттерн сопровождается специфическими субъективными переживаниями с неверbalными проявлениями (Meyer, 1985). В этих представлениях подчеркивается наличие в эмоции необходимого элемента, реализующего механизм обратной связи. Речь идет о структурах, осуществляющих так называемый механизм вероятностного прогнозирования, который, согласно информационно-потребностной теории В.С. Симонова, осуществляет приспособительную функцию эмоции. В биологической теории Анохина данное явление связано с так называемым акцептором результата действия в структуре организации эмоции как функциональной системы. Оба отечественных ученых реализовали естественнонаучный, преимущественно психофизиологический подход к исследованию эмоций. Это выгодно отличает данные теоретические разработки

среди прочих теорий эмоций, в частности по проблеме обратной связи в их организации.

В.Н. Русалова с успехом продолжила развитие идей Симонова в русле информационно-потребностной теории эмоций. В 70-х гг. прошлого века одной из первых среди советских ученых Русалова исследует феномен обратной лицевой связи с применением миографических замеров [4]. В своих экспериментах автор изучает механизмы и закономерности выражения чувств. Исследователя интересует вопрос о возможности управления мимикой. В работе представлены уникальные данные многочисленных психофизиологических исследований, посвященных проблеме определения механизмов лицевой экспрессии эмоций. В качестве экспериментальной группы взяты профессиональные актеры, а в качестве контрольной группы – представители других профессий. Испытуемым предлагается вызывать у себя последовательно четыре эмоциональных состояния (гнев, печаль, радость, страх) при помощи представления или воспоминания значимого события. В первой серии испытуемый должен был переживать эмоциональное состояние, максимально ярко и естественно выражая его на своем лице. Во второй серии испытуемый должен был делать то же самое, но стараясь не выражать чувство и не маскируя их выражением другого чувства. В третьих пробах предлагалось имитировать эмоцию, без чувственного проникновения, но с мимическим выражением. В результате удается выявить значимые психологические закономерности, связанные с возможностью сознательной, волевой регуляции эмоциональной экспрессии. Удалось определить и наиболее характерные реакции отдельных лицевых мышц для каждой эмоции, а также общие закономерности. В частности, установлено, что произвольная регуляция мимической мускулатуры оказывается более эффективной в пробах с намеренным ее усилением. А решение обратной задачи – подавления лицевой экспрессии – оказывается затруднительным. Кроме того, выявлено, что только в группе актеров соотношение средней для всех лиц амплитуды миограммы мышц лица при мысленном воспроизведении соответствуют данным об ЭМГ при истинных эмоциях. Экспериментальные исследования с применением других психофизиологических проб позволяют дополнительно на количественном уровне отслеживать развитие эмоциональной реакции, закономерности ее проявлений. Кроме миографии, автор приводит важные данные по электрокардиографии, кожно-гальваническим реакциям и др. Исследования Русаловой расширяют представления о способности к произвольной регуляции эмоциональной экспрессии.

Е.Д. Хомская, ведущий отечественный ученый в области нейропсихологии, реализует инструментально-психологические исследования эмоций на психо-органических пациентах. Применяя инновационный подход, Хомская решает важную диагностическую задачу – определение специфики и объема психоэмоциональных нарушений при различных мозговых поражениях и дисфункциях. В качестве объекта экспериментального изучения были избраны эмоциональные состояния и эмоциональное реагирование.

Близкие по направленности и объекту исследования проводят Т.А. Доброхотова и Н.Н. Брагина. В своих работах они выявляют закономерности психоэмоциональных сдвигов при поражении правого и левого полушарий мозга.

Рассматривая эмоциональные явления как системные по своей психологической структуре (и осуществляющиеся на основе системных мозговых механизмов), в качестве экспериментальной переменной, необходимой для количественных оценок, в исследованиях Хомской были выделены так называемые параметры эмоции. Определялся знак, интенсивность и самооценка эмоции (по всей видимости, имеется в виду рефлексивный уровень переживаний). Дополнительно были выделены такие параметры: способность к определению эмоционального состояния лиц на фотографиях; способность к классификации, ранжированию и обобщению эмоциональных стимулов; эмоциональная устойчивость; когнитивная и эмотивная оценка базальных эмоций.

По сути, в экспериментах, представленных Хомской, речь идет о реализации «нейропсихологического подхода к изучению эмоциональной сферы... путем распространения нейропсихологических принципов, разработанных для анализа когнитивных и двигательных процессов, на эмоциональные процессы» [5].

В работе «Мозг и психика» представлены многочисленные данные по исследованию эмоций, определению характера нарушения и закономерностей распада их психосемантической организации на материале органической патологии. Описаны данные экспериментальных проб с запоминанием эмоциогенно насыщенных слов, направленных на исследование эмоциональной памяти. Не все эксперименты получили полное обобщение, и тем более не многие из них прояснили какие-либо закономерности и механизмы. Однако автором проложен путь к созданию целостной концепции мозговой организации эмоций. Решая эту, по существу, фундаментальную проблему, Хомская попутно поднимает актуальные вопросы, связанные с недостаточной разработанностью собственно обще-психологической концепции эмоций. И здесь ученый предлагает новаторский подход, ориентированный на раскрытие системных свойств эмоции как психического процесса.

В работе выявлены частные закономерности по отдельным проявлениям и характеру восприятия эмоционального материала. Так, в экспериментальных пробах с предъявлением в качестве стимульного материала фотографий людей, выражающих те или иные эмоции, отмечены следующие особенности. В группе с органическими нарушениями парциального характера замечены характерные реакции: им в большей степени свойственно точно определять состояния на фотографиях, связанные с негативными эмоциями. Кроме того, выявлены закономерности определения эмоций, связанные с поражением правого и левого полушарий мозга. И в группах здоровых и больных одинаково хорошо определяются эмоции радости и печали. В целом в исследовании диагностировалась способность к узнаванию и правильной квалификации эмоций по лицевой экспрессии. К сожалению, пред-

ставленные результаты отличаются путанностью алгоритма и самого замысла. Автор применяет различные пробы, связанные с возможностями восприятия эмоций, а также с оценкой собственных эмоциональных состояний. Среди наиболее значимых результатов можно выделить следующее: знак, интенсивность и модальность эмоционального стимула, а также характер когнитивной операции имеют самостоятельное значение в решении проблемы мозговой организации эмоций.

Оба автора, Русалова и Хомская, в своих исследованиях эмоций с пробами на восприятие лиц, выражаящих те или иные переживания, ставят перед собой не утилитарные проблемы выявления особенностей невербального общения, на что ориентировано большинство работ в этой области (в том числе классических экспериментов). В их работах решается фундаментальная проблема – выявление феномена обратной связи в структуре психологической системы эмоции. Миографические замеры, как можно предположить, позволяют отслеживать сам механизм обратной связи на физиологическом уровне проявления эмоций. В этом, можно утверждать, во многом проявляется академическая традиция отечественной психологии эмоций.

Несмотря на наличие многочисленных упоминаний об исследовании эмоций с помощью миографии лица, на практике они представляют собой лишь ссылки на перепечатываемые из источника в источник одни и те же экспериментальные данные. Среди немногочисленных действительно проведенных исследований в этой области можно выделить работы М.Н. Русаловой, Г. Шварца, В.А. Лабунской.

Шварц в своих исследованиях устанавливает связь депрессии с активностью отдельных лицевых мышц, ослабление паттернов ЭМГ-активности, связанных с эмоцией счастья, а также усиление мышц, связанных с печалью. Также одним из первых он производит попытку унификации мимических паттернов.

В отличие от Экмана и Изарда, уделявших большое внимание разработке и описанию мимических профилей базовых эмоций, Шварц и Русалова исходят из миографических данных. Именно поэтому их миографические схемы отличаются краткостью и прагматичностью. Вместе с тем детальные описательные мимические карты ведущих эмоций представляют обобщения психофизиологического и анатомического их сопровождения, необходимые для экспертных оценок диагностируемых переживаний неинструментальными методами.

Экман впервые проясняет вопрос формы и полноты выражения эмоции на уровне мимики. В исследованиях помимо так называемых эмоциональных профилей он описывает несколько вариантов мимического выражения чувств: слабое выражение, частичное и микровыражение. Изард раскрывает развертывание эмоциональной реакции во времени. Выделяется латентный период, период развертывания, период кульминации и угасания. Практические представления о полноте экспрессивных реакций и периодах ее организации во времени чрезвычайно важны для раскрытия эмоций как психологических систем. Разработанные Экманом системы кодирования лицевых паттер-

нов эмоций (FAST) основаны на многолетних экспертных наблюдениях и всестороннем анализе мимических движений. Помимо указанной системы, вместе со своим коллегой Фризом он разработал систему оценки мимических реакций (FACT), с помощью которой можно диагностировать эмоции человека и проводить тонкую дифференциальную диагностику наблюдаемых реакций. К сожалению, несмотря на серьезный анализ мимических паттернов, сопровождаемых анатомическим обоснованием, можно отметить существенные расхождения с данными других авторов. Так, например, Шварц предлагает, как было отмечено выше, более короткие схемы мимических паттернов. Есть принципиальные несоответствия между предлагаемыми системами кодирования даже базовых эмоций по схемам мимических отведений.

Казалось бы, базовые эмоции тем и отличаются, что они зафиксированы на биологическом уровне в форме врожденных реакций. Те же расхождения мы находим в работах Русаловой, как и Шварца, исходящей из экспериментальных миографических данных собственных исследований. Это одна из возможных причин рассогласования кодировки эмоций в мимических схемах разных авторов. Так, например, многочисленные мышечные реакции и лицевые изменения, наблюдающиеся во время той или иной эмоции, являются следствием напряжения отдельных мимических мышц, сопровождающихся сдвигами лицевых областей, (ошибочно) принимаемых за самостоятельные мышечные реакции. Именно такой описательный по своему характеру подход реализует в своей системе Экман. В большей степени мимические схемы отражены на материале экспертных оценок, многочисленных просмотров однотипных эмоциональных реакций людей различных рас и культур. В результате представлены подробные описательные схемы картирования эмоций по мимическим и пантомимическим реакциям (открытый рот, губы сжаты, голова запрокинута и пр.).

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что одна и та же базовая эмоция имеет разные вариации мимического выражения. Это вторая причина расхождения в моделях мимических схем. Это касается таких фундаментальных эмоций, как гнев и страх. Здесь, по всей видимости, сказывается социально-психологический аспект сознательного сопровождения аффекта, а также культуральный фактор, обуславливающий традицию выражения в той или иной форме эмоции. Например, усиленное сведение бровей для демонстрации гнева и недовольства в одних ситуациях и широко открытые глаза и крепко сжатые челюсти – в других.

Согласно данным отечественных исследователей, решающих обратную задачу в изучении феномена мимики через исследование механизма его зрительно-го восприятия реципиентом (Т.Н. Малкова, В.А. Барabanщикова, 1988), наиболее информативной в плане невербальных сигналов является нижняя треть лица [3]. Эта во многом парадоксальная закономерность отчасти противоречит многочисленным наблюдениям и данным исследований специалистов по невербальному общению, ведь традиционно наиболее вырази-

тельной областью считается верхняя часть лица – область глаз (Coss, 1972, Richter, 1976). Отечественные ученые находят решение этого противоречия. Согласно их анализу восприятия мимических паттернов область глаз является своего рода «смысловым центром» экспрессии эмоции (Лерш, 1968), контекст которого прочитывается только в единстве мимической реакции, наибольший вклад в которую вносит нижняя треть лица. Однако если обратить внимание на характер невербальных сигналов этой области, т.е. области рта, то несложно заметить, что она в связи с развитым речевым аппаратом отличается наибольшей управляемостью. Поэтому, несмотря на богатство и выразительность невербальных знаков, здесь больше места для осознанных, частично контролируемых мимических реакций. Это всевозможные ужимки, утрированные, наигранные мимические мины, зачастую не отражающие настоящих переживаний. Однако в том числе эти зоны детально описаны в мимических паттернах в системах кодирования эмоций, построенных на описательном принципе. Важно при этом отметить и третий фактор рассогласования: большинство экспериментов, построенных на экспертной оценке, как раз и основаны на искусственном изображении эмоций. Можно предположить, что имеет место и индивидуально-психологический фактор. Форма эмоциональной экспрессии, привычные, наработанные паттерны лицевого реагирования (отдельные лицевые реакции преувеличенно усилены, а другие, наоборот, нивелированы), проявление комплексов – вот неполный перечень факторов. Сюда же можно отнести и лицевые дефекты и пр.

Таким образом, в описательных моделях мимических схем, предложенных в работах Экмана, Фризена и других авторов, по всей видимости, изучается *коммуникативная сторона экспрессии* эмоций. В инструментальных же экспериментах исследуется собственно *механизм обратной связи*. Поэтому, учитывая все факторы, определяющие точность диагностики мимических паттернов эмоций, безусловное предпочтение следует отдать миографическому подходу и изучению натуральных реакций. Для научного исследования это наиболее надежный подход. Существующие схемы, построенные на основе метода миографии, представляют адекватные модели регистрации базовых эмоций. К сожалению, это в меньшей степени распространяется на производные эмоции. Кроме того, имеет место явление наложения или взаимодействия аффектов, отмеченное К. Изардом. Автор даже разработал соответствующую таксономию аффектов. И действительно, при переживании таких эмоций, как печаль, индивид может испытывать обиду, сожаление, страдание, вину или гамму других сложных переживаний. Все это, безусловно, отражается в мимическом выражении.

В настоящей работе проблема искажения мимических паттернов рассматривается в рамках решения вопроса *блокировки эмоций*, как один из вариантов наложения аффектов на психофизиологическом уровне. В психоанализе данная проблема обозначена как застrevание, в общей психологии – как неотреагирование эмоции. По данным некоторых исследователей, базальные эмоции способны не только смеши-

ваться, но и тормозить друг друга, затрудняя возникновение несовместимых (Ostony, Turner, 1990). В сфере исследований мимической экспрессии аналогичных механизмов не выявлено. Вместе с тем это во многом открывает путь для непосредственного мониторинга психодинамики и ее дезорганизации на материале исследований мимики.

Вместе с тем в практической деятельности специалистов давно применяются жаргонные термины относительно так называемых мимических масок. В литературе описан феномен «вареной колбасы» – амимичное выражение лица больного шизофренией. Также описаны специфические мимические маски больных эпилепсией, при психоорганических нарушениях, маниакально-депрессивном психозе и др. В отечественной психиатрии В.Ф. Чиж (1900) разработал описательную модель мимики глаз, наблюдающейся при патологии. Л.С. Минор (1888) и В.М. Бехтерев (1910), изучая мимику больных с неврологическими и психическими расстройствами, также развили представления о патологической экспрессии. В этом направлении наибольших результатов достиг в свое время советский психиатр Л.М. Сухаребский (1966). В своей книге, снабженной иллюстрациями, автор приводит подробный обзор типичных мимических паттернов психических болезней с анализом клинических случаев. Автор выявляет характерные изменения в лице, закономерности нарушения мимического ансамбля, появление своеобразных мимических масок у пациентов с длительным течением болезни. Более того, Сухаребский выделяет мимические синдромы, исследует феномены амими, геми, пара-, дис-, гипо- и гипермими, эхомими. Спустя десятилетия выходят публикации К.А. Новлянской (1961), Ю.А. Антропова (1966), Н.А. Жинкина (1968), в которых описываются клинически значимые мимические изменения больных с разной нозологией с учетом динамического аспекта. В этих работах, по существу, описывают явление психоэмоционального блока в клинике психических заболеваний. Эти, безусловно, важные в научно-практическом отношении работы внесли свой вклад в клиническую психологию и психопатологию. К сожалению, эта значимая для психотерапии и психодиагностики тематика не нашла каких-либо решений в области исследования психологии и психофизиологии эмоций.

Феномен лицевой экспрессии, во многом более доступный для исследования психоэмоциональных блоков и в целом системной организации эмоций, пока остается невостребованным в психологии. Причинами такого положения являются методологические затруднения в определении обратной связи как рефлексивного уровня эмоции, а также отсутствие трактовки мимики как психофизиологического механизма акцептора результата действия. Обратная связь в психологической структуре эмоции представлена набором кодированных в мимических паттернах состояний, актуализация которых одновременно выполняет функцию вероятностного прогнозирования, участвует в осуществлении коммуникативной функции, создает условия для поддержания психической устойчивости в ответ на изменяющиеся условия.

Таким образом, феномен лицевой экспрессии является тем «черным ящиком» в психологии эмоций, где сходятся клинические, социальные, культурологические феномены. Исследование мимического кода,

его механизмов и нарушений необходимо для выявления психологической структуры эмоции как функциональной системы психической самоорганизации в норме и при патологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К.Э. Психология эмоций // Мастера психологии. СПб., 2012.
2. Лабунская В.А. Язык не тела, а души. Ростов н/Д : Феникс, 2009.
3. Барабанчиков В.А. Экспрессии лица. М., 2012.
4. Руслова М.Н. Экспериментальные исследования. М., 1979.
5. Хомская Е.Д. Мозг и эмоции. М., 1992.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 апреля 2014 г.

PHENOMENON OF FACE EXPRESSION IN PSYCHOLOGY

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 211-218. DOI: 10.17223/15617793/388/34

Volov Vsevolod V. Samara State University (Samara, Russian Federation). E-mail: volovvv@nm.ru

Keywords: mimicry; reverse facial communication; basal emotions; functional system of psychical self-organization; basal system of emotional regulation.

The article presents an analytical review of the socio-psychological and clinical research of the facial expression of emotions. The focus of the analysis is mimicry of a person as a psycho-physiological apparatus of a feedback mechanism in the structure of the basal emotions. The generalization of theoretical interpretations of emotions as functional systems is carried out. It is shown that mimicry is mainly considered as a communicative message. The results of Russian and foreign authors' researches of expressive manifestations of emotions with the help of myographic measurements are discussed in the article. The discrepancy of mimic schemes of basal emotions are revealed in the investigations based on descriptive and instrumental approaches. In particular, it is shown that in descriptive models mimic schemes are observed on the data of expert estimations while in instrumental ones it is done on the data of myographic rates. One and the same basic emotion obtains different variations of mimic expression. It is the second reason of discrepancy. This is because of the socio-psychological aspect of the conscious support of affect as well as a cultural factor which determines the tradition of emotion expression. Furthermore, expert estimations of descriptive models are based on artificial representations of emotions. The communicative side of emotion expression is studied in descriptive models of mimic schemes. The actual feedback mechanism is investigated in instrumental models. The scientific studies of mimic expressions in the sphere of clinical research are analyzed. Specifically, particular patterns of facial expression manifestations in experiments on emotional response and definitions of emotions in psycho-organic patients sampling are determined on the example of works of Russian scientists. Methodological grounds of the phenomenon of mimicry are suggested: the feedback in the psychological structure of emotion is presented by a set of states encoded in mimic patterns, their actualization simultaneously carries out the function of probabilistic forecasting, creates conditions for mental stability support in response to changing conditions. The presented research arises the problem of mimic patterns distortion which is investigated when solving the question of emotion blockage. The investigation of the facial expression phenomenon proposes an available approach for psycho-emotional blocks detection and for systematic organization of emotions in general. The feedback in the psychological structure of emotion is presented by a set of states encoded in mimic patterns, their actualization simultaneously carries out the function of probabilistic forecasting, takes part in communicative function performing and creates conditions for mental stability support in response to changing conditions.

REFERENCES

1. Izard K.E. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. In: *Mastera psikhologii* [Masters of Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2012.
2. Labunskaya V.A. *Yazyk ne tela, a dushi* [Language of soul, not body]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2009. 344 p.
3. Barabanshchikov V.A. *Ekspressii litsa i ikh vospriyatiye* [Face expressions and their perception]. Moscow: RAS Institute of Psychology Publ., 2012. 341 p.
4. Rusalova M.N. *Eksperimental'noe issledovanie emotsional'nykh reaktsiy cheloveka* [Experimental studies of emotional reactions of people]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 170 p.
5. Khomskaya E.D. *Mozg i emotsiy* [The brain and emotions]. Moscow: MSU Publ., 1992. 180 p.

Received: 06 April 2014